

Синельников, С.П. Оценки личности и деятельности законоучителя дореволюционной школы в советской и постсоветской историографии / С.П. Синельников // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / редкол. В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 119–125.

С.П. Синельников (Волгоград, Волгоградский индустриальный техникум)

ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ШКОЛЫ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Результаты религиозного образования и воспитания учащихся до 1917 г. зависели от многих факторов, важнейшим из которых признавался сам учащий – преподаватель Закона Божия, или законоучитель, его личность, профессиональная подготовленность, духовная и педагогическая, желание и способность нести детям свет Христова учения [24].

В огромном массиве литературы советского периода вопрос о религиозном воспитании и законоучителе или сознательно умалчивался, или преподносился необъективно – в односторонне отрицательном и “разоблачительном” тоне [13; 4; 8; 17]. Поэтому в общественном сознании сложился и до настоящего времени преобладает негативный образ законоучителя – тёмного мракобеса, необразованного и грубого типа.

«Красный профессор», литературовед и педагог В.А. Десницкий в брошюре «Церковь и школа» утверждал, что священнику была отведена обязанность держать народную мысль «в плену невежества, религиозных суеверий и предрассудков». Духовенство было объявлено единственным признанным воспитателем народа, и образование должно было даваться детям и взрослым под его наблюдением и руководством. А Закон Божий, особенно в начальных школах, был объявлен первым и главным предметом преподавания [7, с. 15–16]. Однако, как писал автор брошюры, «обязательное преподавание закона божия во всех школах не достигало тех целей, которые преследовала светская власть и ревностные исполнители её предначертаний из среды самого духовного сословия». Причиной тому, по словам В.А. Десницкого, были «равнодушие и неподготовленность духовенства», «прохладное отношение к своим педагогическим обязанностям» («манкирование своими обязанностями со стороны законоучителей»). Поэтому законоучитель «был, в большинстве случаев, фигуркой маленькой и ничтожной, не внушавшей к себе и своему "предмету" никакого уважения, часто подвергавшийся даже злым насмешкам. И отношение к закону божию,

как обязательному предмету школьного преподавания, со стороны учащихся сплошь и рядом было отрицательным» [7, с. 20–21].

В постсоветской историографии появилось немало исследований дореволюционной системы образования, однако отдельного труда, освещающего состояние преподавания Закона Божия нет. По-прежнему не изучена, не охарактеризована деятельность законоучителя, преподававшего этот предмет и руководившего религиозно-нравственным воспитанием детей в школе.

Как отмечали исследователи А.В. и Н.Н. Греховы, главным пороком религиозно-нравственного воспитания в российских начальных и средних учебных заведениях была «за идеологизированность» Закона Божия. В конечном итоге «воспитывались и формировались безынициативные люди, способные лишь к бездумному послушанию и смиренности». Авторы статьи разделяют мнение «передовой педагогической мысли и учительской общественности», высказанное на III съезде Всероссийского союза учителей, состоявшегося в 1906 г., о том, что Закон Божий «не подготавливает учеников к жизни, а вытравляет критическое отношение к действительности, уничтожает личность, сеет безнадежность и отчаяние в своих силах, калечит нравственную природу детей, вызывает отвращение к учению. И гасит народное самосознание». Отсюда исследователи сделали однозначный вывод о том, что «Закон Божий как обязательный учебный предмет объективно изживал себя» [5, с. 290–292].

В целом ряде других публикаций делаются необоснованные, не подтверждаемые фактами выводы о бесполезности, никчемности и вредности Закона Божия, о полной неудаче и провале дела духовно-нравственного воспитания. По мнению Т.И. Пашковой, большая часть преподавателей гимназий и законоучителей в XIX – начале XX в. представляла собой «обычных чиновников от образования, отбывавших в классах положенные часы и трепетавших перед грозным начальством. Немногие из них обладали даром красноречия, житейской мудростью и педагогическими талантами». По словам Т.И. Пашковой, среди гимназических учителей довольно редко встречались настоящие духовные пастыри, умевшие убеждать своих учеников, но это были скорее исключения из общего правила. Приводя отрицательные характеристики законоучителей в мемуарной литературе, историк делает безотрадный для сторонников введения религиозного образования в школе вывод: «Обязательность уроков закона Божия, неотвратимость экзаменов, безликость, излишняя суровость, а то и, наоборот, полное равнодушие священников, стоявших за учительской кафедрой, бдительный контроль за посещением церкви нередко превращали всё в фарс

или рутину, а следовательно подтачивали религиозность детей, приобретённую в лоне семьи» [18].

Е. Наумов, основываясь на опубликованных воспоминаниях, делает заключение о том, что «преподавание религии, вопреки созданным для этого условиям наибольшего благоприятствования, решительно не оправдало возлагавшихся на него надежд». В отношении законоучителей автор статьи делает оговорку и считает неверным утверждение, что все дореволюционные законоучители были злобными, ограниченными, указывает на воспоминания о добрых, талантливых священниках, пользовавшихся любовью и уважением учеников [15].

Нельзя согласиться с другими суждениями о полной утрате Законом Божиим положительного воспитательного воздействия на детей. К примеру, Е.А. Морозова, основываясь на антирелигиозных суждениях Л. Пахревского и Е.Ф. Грекулова, не проработав огромный пласт литературы, не подкрепив свои суждения архивными документами, однозначно негативно оценила дореволюционное состояние религиозного образования и отметила, что ещё до 1917 г. Закон Божий «перестал быть средством нравственного воспитания» и служил «своеобразным щитом правительства перед любым прогрессивным, гуманистическим учением» [14, с. 114].

Л.А. Андреева и Е.С. Элбакян призывают историков не идеализировать и не мифологизировать дореволюционную Церковь, не преувеличивать роль её служителей, а строго сохранять историческую достоверность. Но не находят в дореволюционном духовенстве ничего светлого и выдающегося. Священнослужители представлены исключительно «презираемым сословием», ненавистным народу и интеллигенции, жадным до денег, малообразованным и некультурным [1, с. 114–124; 2].

Авторы названных статей используют источники некорректно и исключительно в подтверждение своих выводов о нарастающем массовом религиозном индифферентизме, об «оскудении духовного сословия». Но эти предположения не могут быть признаны безусловными, поскольку не находят повсеместного подтверждения. Таким образом, роль Церкви и религиозного просвещения, которое несли народу законоучители, в указанных статьях непомерно занижена. Историки, тенденциозно и негативно оценивающие деятельность законоучителей, основываются лишь на материалах периодической печати, воспоминаниях и публицистических брошюрах и, к сожалению, не знакомы с архивными документами, что делает их обобщающие выводы односторонними, неправомерными и не соответствующими истине.

Объективная оценка преподавания Закона Божия и деятельность законоучителя даётся в научных исследованиях О.В. Осипова, Н.В.

Казеровой, М.Ф. Пухальской, А.В. Ермошина, О.В. Фидченко. Во-первых, ими не делаются категорические выводы о бесполезности религиозного образования и неспособности законоучителей решать задачи религиозно-нравственного воспитания; во-вторых, не перечёркивается положительный опыт преподавания Закона Божия. Указанные историки пытаются извлечь уроки из этого опыта и понять причины неудач. Поэтому такой подход к теме представляется продуктивным и взвешенным.

О.В. Осипов на материалах Оренбургской епархии показал, что духовенство, хотя и не было идеальным по своему нравственному уровню и образовательному цензу, но в большинстве своем обеспечивало решение стоящих перед ним задач. Можно сколь угодно критиковать систему преподавания Закона Божия и низкую квалификацию законоучителей, но востребованность религиозно-нравственного просвещения детей и населения была огромной. Русское православие, являясь по сути главным идеологическим инструментом государства, разработало стройную систему религиозно-нравственного, патриотического воспитания населения и являлось инициатором искоренения народных пороков (пьянство, сквернословие, жестокость, распутство, воровство и проч.) [16, с. 189–190].

О нереализованном потенциале Закона Божия и способности законоучителей к реформированию системы религиозного образования свидетельствуют Н.В. Казерова и Г.А. Гриднев, изучившие материалы законоучительских съездов 1909 и 1913 гг. и пастырских собраний [10, с. 161–174; 11; 6, с. 411–417].

М.Ф. Пухальская выявила положительный опыт в преподавании Закона Божия и отметила отрицательные явления. К последним она отнесла неправильный взгляд самих преподавателей на свой предмет как на обучающий, а не воспитывающий. Справедливо её мнение о том, что важно извлекать полезные уроки как из позитива, так и негатива [19].

На трудности и противоречия в дореволюционном религиозном образовании указал казанский исследователь А.В. Ермошин. Несмотря на занимаемое первое место в официальных программах и учебных планах, Закон Божий не был по-настоящему главным предметом в школе, которая к тому же всё более пропитывалась духом неверия и нигилизма. А талантливый законоучитель не всегда имел возможность «раскрыться» в полной мере и часто мог поплатиться за свою «реформаторскую» деятельность [9].

Особого внимания заслуживают статьи О.В. Фидченко, в которых всесторонне рассмотрен вопрос о деятельности законоучителей. Историк отметила, что их труд на ниве народного образования был самоотверженным и чаще всего безвозмездным. По её данным, в 1907 г. в России за плату

работало лишь 7374 законоучителя, в то время как 19400 человек трудилось бесплатно. Таким образом, по подсчётам историка, почти $\frac{3}{4}$ (72,5 %) преподавателей Закона Божия не получали зарплату за свой труд [22, с. 79]. Это означало, что материальное вознаграждение не являлось главным в мотивации законоучительского труда. Используя многочисленные архивные свидетельства о полезной законоучительской деятельности священников, исполнявших долг и обязанность преподавателя Закона Божия, О.В. Фидченко приводит факты истинного христианского духовного единения между законоучителем и его учащимися [22, с. 81–86]. Историк обратила внимание исследователей дореволюционного образования на то, что преподавание Закона Божия оказывало положительное влияние на формирование и развитие морально-нравственных качеств учащихся, что, на её взгляд, не требует специальных доказательств. Хотя с указанным тезисом не согласятся исследователи, придерживающиеся марксистско-ленинских оценок религиозного образования.

Так или иначе, но в дореволюционный период успешно развивались разнообразные формы сотрудничества светской и духовной власти в плане воспитания учащихся. В данном случае речь идёт об участии законоучителей в работе педагогических советов учебных заведений, о подготовке учительских кадров в духовных учебных заведениях, о проведении внеклассных занятий – религиозно-нравственных чтений, экскурсий, соединённых с паломничеством к местам религиозных святынь, а также контроле со стороны законоучителей за посещениями учителями и учащимися исповеди и причащения [23, с. 117–120].

И в ряде исследований поднимается вопрос о положительном воспитательном воздействии законоучительского труда [3, с. 7–20; 20; 21, с. 257–267]. Как справедливо писал один из зачинателей религиозного образования в 1990-е гг. протоиерей Глеб Каледа, в дореволюционной России «было много прекрасных приходских школ, прекрасных преподавателей Закона Божия. Опыт их, конечно, надо изучать» [12, с. 30].

Явные недостатки и проблемы в религиозном обучении (организационные, программные, методические) никоим образом не говорили о беспомощности этого учебно-воспитательного предмета или о необходимости его отмены, о чём с завидным усердием твердили отдельные революционно-настроенные люди. Отрицательно сказывался на религиозном образовании формализм. Превращение Закона Божия в один из рядовых предметов школьного обучения, равнодушное и формальное его преподавание – с одной стороны, а усвоение изучаемого материала более умом, нежели сердцем, с другой, – убивало живую веру. Общество и школа испытывали влияние агрессивной светской культуры, противопоставляющей

себя Церкви и христианской религии. Указанные причины сводили к минимуму все усилия законоучителей дать полноценное религиозное образование.

Современниками признавалось, что законоучителю необходима подготовка богословская, общегуманитарная и педагогическая. Особенно необходимым и важным для законоучителя было овладение ими психолого-педагогическими навыками и умениями. А его главным качеством считалась церковность, которую он и призван был вносить в уроки Закона Божия и передавать детям дух евангельского учения, христианской нравственности. Поэтому, безусловным требованиям к учащему относили глубокую веру и методическую подготовленность. А главный результат изучения Закона Божия виделся в том, чтобы учащийся осознал необходимость и направление изменения самого себя – по Христу и ко Христу. Вероучение и нравоучение – неразделимы. В этом сжато состоит весь смысл религиозного обучения.

-
1. Андреева, Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи / Л.А. Андреева // *Общественные науки и современность*. 2008. – № 4. – С. 114–124.
 3. Бычкова, В.М. Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России / В.М. Бычкова // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2009. – № 12. – С. 7–20.
 5. Грехов, А.В. Религиозное обучение в российских учебных заведениях на рубеже XIX–XX веков / А.В. Грехов, Н.Н. Грехова // *Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца)*. Материалы Международной научной конференции. Т. 2. Киров, 1996. – С. 289–292.
 7. Десницкий, В.А. (Строев В.) *Церковь и школа*. Берлин: РСФСР, Государственное издательство, 1923. – 49 с.
 9. Ермошин, А.В. Преподавание Закона Божия в средних учебных заведениях Казани во второй половине XIX в. (извлечения) [Электронный ресурс] // *Духовная семинария Казанской епархии РПЦ*. URL: http://kds.eparhia.ru/www/script/ps17_29_97243402778.html.
 12. Каледа, Г. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях // *Журнал Московской патриархии*. 1994. – № 7–8. – С. 29–49.
 14. Морозова, Е.А. Традиционные ценности православного этического образования (1911–1917) / Е.А. Морозова // *Ярославский педагогический вестник*. 2009. – № 2. – С. 110–114.
 15. Наумов, Е. Неоправдавшиеся надежды. Преподавание Закона Божьего в царской России [Электронный ресурс] / Е. Наумов // *Портал Фонда «Русский мир»*. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0309.html>.
 16. Осипов, О.В. *Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864 – 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02*. Челябинск, 2002. – 250 с.
 18. Пашкова, Т.И. Закон Божий не одолеет общего беззакония [Электронный ресурс] // *Дело. Аналитический еженедельник* 2007. 17 сен.. URL: <http://www.idelo.ru/479/19.html>.
 19. Пухальская, М.Ф. Преподавание Закона Божия в гимназиях и реальных училищах Беларуси в начале XX века (1900–1917 гг.) [Электронный ресурс] // *Белорусский портал ЦАРКВА*. URL: <http://churchby.info/rus/525/> (дата обращения: 13.01.2011).
 22. Фидченко, О.В. Архивные данные о законоучителях Московского учебного округа конца XIX – начала XX в. // *Православная культура в России: прошлое и настоящее: по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений* / [сост.: А.С. Мельков, В.Ю. Венедиктов]. – М. : Пашков дом, 2007. – С. 79–87.

23. Фидченко О.В. О взаимодействии светской власти и православного духовенства в плане развития среднего образования России конца XIX – начала XX вв. // На ниве Христовой: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: Материалы Всерос. науч.-богосл. конф. «IV Свято-Филаретовские чтения», 10–11 дек. 2008. / Сост. А.С. Мельков, В.Ю. Венедиктов. М.; Ярославль: Ремдер, 2009. С. 117–120.

24. Для составления обобщённого «портрета» законоучителя дореволюционной школы важны все слагающие характеристики, к которым относятся: 1) Отношение законоучителя к обязанностям и исполнению им своего долга учить детей основам веры; 2) научно-педагогическая и богословская подготовка, уровень общего и специального духовного образования законоучителя, владение им методическими приёмами, и вообще наличие в нём педагогической нацеленности и учительности; 3) личность законоучителя и его личные характеристики, оказывающие влияние на характер преподавания и общения; 4) организатор урока, внеклассных занятий и внешкольных мероприятий (чтений, экскурсий, паломничеств и др.); владение вспомогательными средствами обучения; 5) руководитель молитвой учащихся; 6) пастырь, совершающий богослужения, исповедующий и причащающий учеников в домовой (училищной) или ближайшей приходской церкви; он же – искренне и глубоко верующий человек, живущий жизнью Церкви; 7) обличитель не только человеческих грехов и пороков, но и церковных ересей и социалистических учений, наставник детей и юношества. Объективно оценить личность и подготовленность законоучителя применительно к решаемым образовательно-воспитательным задачам можно только на основе изучения всех указанных составляющих. От них зависит ответ на вопрос о состоятельности законоучителя и о том, насколько он соответствовал задаче религиозного просвещения народа и выполнил ли её, оправдал ли своё назначение и возлагаемые на него ожидания. Однако простых и однозначных ответов на указанные вопросы быть не может.